

В ЧИСЛО тех, кто неоднократно писал о Есенине, размышлял о нем, входил поэт Георгий Иванов (1894—1958) — современник Есенина, писатель, принадлежавший к элите петербургской художественной среды до революции в России, а позднее и в эмиграции не утративший своей духовной принадлежности к высокой русской культуре, ее традициям. Сборники его стихов «Отплытие на остров Цитеру», «Горница», «Памятник славы», «Вереск», «Сады», «Лампада», выпущенные поэтом в 1912—1922 годах, а затем и мемуарная проза «Третий Рим», «Петербургские зимы», десятки очерков, эссе, литературных портретов — все это составляет ценное художественное наследие Георгия Иванова, крупнейшего представителя Русского Зарубежья.

Воспринимая дар Сергея Есенина как составную органическую часть отечественной культуры, Иванов стремился показать в своих работах о поэте характерные оригинальные черты есенинского поэзии. Причем с точки зрения собрата поэта. В эмиграции Г. Иванов выпустил том «Избранных стихов» С. Есенина со своим предисловием, в 1952 году вышло второе издание книги «Петербургские зимы», в которую была включена дополнительная глава о С. Есенине.

Статья Г. Иванова «Литература и жизнь (Маяковский, Есенин)» написана и опу-

бликована в 1950 году в парижском журнале «Возрождение». Причиной ее появления стала литературная дискуссия в советской печати на тему «Владимир Маяковский и советская поэзия». Подобная лжеполемика, инспирированная сталинскими идеологами от литературы, должна была, по мысли авторов данной затеи, показать всему просвещенному миру пример творческого свободомыслия многочисленных участников диспута — от критиков-профессионалов до колхозников и рабочих. Ознакомившись с материалами дискуссии, Г. Иванов решил внести и свою лепту в текущий литературный процесс «страны осуществленного социализма». С сарказмом обрушивается он на записных теоретиков бывлой на постсоветской школы, которые в 30-е годы травлили Маяковского, а в 50-е стали рьяно сравнивать бывшего поэта-футуриста с... Пушкиным, которого Маяковский призывал вместе с друзьями-поэтами Кирилловым и Александровским скинуть с корабля истории. Бесконечные ссылки на авторитеты Сталина и Пушкина (именно в такой последовательности), ложный пафос возвеличения Маяковского до размеров некоей поэтической мумии, а за всем этим полное безразличие к творческой судьбе и драме большого поэта — такова была демагогическая направленность той дискуссии. Г. Иванов, хорошо знавший молодого начина-

щего Маяковского и его окружение, извительно и тонко показал в своей статье социальную подоплеку той дискуссии, попутно обозрев творчество других советских поэтов (Пастернака, Исаковского, Суркова, Кирсанова и других). Высмеивал так называемый «социальный заказ» от поэзии, Г. Иванов, в противовес этому, рассматривает поэтическую судьбу Сергея Есенина трезво, без скидок на слабые стороны есенинского извилистого пути в литературе. Но главное в обращении Иванова к образу Есенина в том, что лирика великого поэта России продолжает жить, объединяя «русских людей звуком русской песни», где бы те люди ни жили: в Москве или в Париже... И в звуках той есенинской песни — залог грядущего духовного освобождения народа от навязанной ложной идеологии, ложных авторитетов в культуре. В тех звуках — возвращение к истокам народной правды о подлинной жизни с ее естественным родовым человеческим укладом и эстетическим ладом. И нынче, в дни 95-летия Сергея Есенина, мы вправе вспомнить и те забытые материалы, в которых многое предвиделось о грядущей судьбе художественного наследия поэта.

Текст статьи Г. Иванова печатается в сокращении по журналу «Возрождение» (Париж, № 8, 1950). В нашей стране публикуется впервые.

К 95-летию со дня рождения Сергея ЕСЕНИНА

безнравственно, допустимо — недопустимо, белое — красное, большевизм — антибольшевизм... Тоже неважно, тоже бесполезно.

Важно другое. Например, такой удивительный, но неопровержимый факт: на любви к Есенину сходятся и шестнадцатилетняя «невеста Есенина», комсомолка, и пятидесятилетний, сохранивший стопроцентную непримиримость «белогвардеец». Сходятся два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего.

Сходятся на Есенине. То есть на русской поэзии. То есть на поэзии вообще. То есть на том, суть чего так хорошо определил Жуковский:

Поэзия есть Бог в святых мечтах зем-
ли...

«Бог в святых мечтах...» То есть анти-безбожие, антидиамат, антирабство тел и антирастление душ...

Мы знаем, что Советская власть, беспощадная к живым, на редкость снисходительна к покойникам, особенно знаменитым. Бывшие грехи Есенина были бы давно забыты, нашлась бы и для него площадь в Москве, не будь у него перед большевиками непростительного, смертного греха.

Мертвому Есенину удалось то, что не удалось за тридцать два года большевизма никому из живых. Из могилы он объединяет русских людей звуком русской песни, где сознание общей вины и общегреховности сливаются в общую надежду на освобождение.

Оттого-то так и стараются большевики внушить, что Есенина не за что любить. Оттого-то, несмотря на все эти старания, все увеличивается народная любовь к нему. И именно поэтому несовершенным стихам Есенина обеспечена исключительная «гениальная» судьба: не пресловутое бессмертие, а временная, как русская мука, и такая же долгая, как она, — жизнь.

ПАРИЖ
1950

Предисловие и публикация
Алексея КАЗАКОВА

Георгий ИВАНОВ

«КАК РУССКАЯ МУКА...»

Георгий Иванов.
Гравюра на дереве
Н. КАЛИТЫ

ют кружки его поклонников... Неряшливо отпечатанные и недешево стоящие книжки бойко расходятся не только в лагерях, но и в среде старых эмигрантов — людей, как известно, к поэзии на редкость равнодушных...

В чем же все-таки секрет этого все растущего обаяния Есенина и там, в СССР, и здесь, за рубежом?

Непонятна на первый взгляд резкая разница посмертных судеб Есенина и Маяковского. При жизни оба были советскими знаменитостями и любимцами. И биографии, и многие черты их писательских обликов почти совпадают. Оба начали писать перед революцией. Оба, не в пример большинству русских писателей, сразу безоговорочно перешли в стан Ленина. Оба поддерживали большевиков не за страх, а за совесть — поэтому им и разрешалось все. И, можно сказать, их поддержка большевизма была активной, деятельной поддержкой. (...) Совпадение их «революционных биографий» продолжается вплоть до смерти: жизнь их оборвалась одинаково — самоубийством обоих в расцвете жизни, в апогее славы. Но вот именем Маяковского названа площадь в Москве, его издают миллионным тиражом, ставят ему памятники, называют его преемником Пушкина — и все это разбивается о непобедимое равнодушие к нему советского читателя, а Есенин с каждым днем становится все более любимым, популярным, дорогим, несмотря на запреты и рогатки. И не Маяковский, а он, опальный, «несоветский», вырастает на наших глазах не в фактивного, а в подлинного народного поэта. Рост всенародной любви к Есенину — факт, который нечего доказывать. Он — самоочевидность. Стихотворения Есенина трудно достать в СССР в продаже, но в бесчисленных списках они переходят из рук в руки, зачитываются до дыр, заучиваются наизусть, распеваются, как песни.

Не Маяковскому, а ему подражают молодые советские поэты — почти в каждом из них, особенно у провинциальных, чувствуется влияние характерной есенинской певучести. В «центрах» и в забытых Богом медвежьих углах России возника-

П ОСЛЕ осмотра музея Сергея Есенина в Константинове его директор Владимир Исаевич Астахов провел нас, участников Есенинского праздника, по узкой лестнице на второй этаж в фондохранилище — небольшую комнату, заставленную от пола до потолка стеллажами. На стеллажах, на столах, занимающих почти все остальное пространство, — книги, бумаги, папки, альбомы. Директор показал автографы поэта, мемориальные вещи. В завершение разговора он приподнял кусок ткани, закрывающий на одном из столов какой-то предмет. Это была посмертная маска Есенина.

В последнее время в ряде изданий появились публикации, авторы которых утверждают, что Есенин не покончил жизнь самоубийством в Ленинграде в гостинице «Интернационал» («Англетер») в ночь на 28 декабря 1925 года, а был убит. Приводится ряд косвенных доказательств, из которых самыми убедительными выглядят посмертные фотографии. Есть снимки погибшего Есенина в разных ракурсах (некоторые из них опубликованы) — на диване, в гостинице, в море, в гробу. И на всех на них видно, что правая верхняя часть лица поэта повреждена. След ли это удара или след от горячей трубы, вмятина ли это или глубокая пробоина — неясно, но то, что серьезные повреждения лица имеются, сегодня не отрицает, кажется, уже никто. Маска в музее в Константинове — оригинал, то есть отливка из той формы, которая получилась в гипсе, непосредственно лежавшем на лице Есенина. Говорят, что таких отливок су-

ществует всего три, остальные — копии. Увидев эту маску, понимаешь, почему она не включена в основную экспозицию музея. Ведь никто не прячет посмертную маску Пушкина, хотя она оставляет очень тяжелое впечатление. На посмертной маске Есенина повреждения лица заметны очень отчетливо. Все видели прижизненные фотографии Есенина и представляют себе, как, к примеру, какую форму имел его нос. На маске же видно, что переносица сломана. Можно представить себе, сколько у посетителей музея было бы по этому поводу вопросов, ответов на которые нет.

И пока энтузиасты-любители ведут свои частные разыскания, пока разворачивает работу образованная при Союзе писателей СССР комиссия по расследованию обстоятельств гибели Сергея Есенина — лежит в музее в Константинове, в фондах, закрытая материей его посмертная маска, лежат где-то негативы фотографий (и кто-то знает, где, но не говорит), по которым можно было бы провести судебно-медицинскую экспертизу, лежат в фондах ИМЛИ и ЦГАЛИ до сих пор неопубликованные воспоминания его друзей и современников (а те, что опубликованы, переиздаются все еще с купюрами), лежит в архивах ВЧК—ОГПУ—НКВД недоступное никому дело Есенина, которое тоже может содержать сведения, касающиеся его гибели (а что такое дело имеется — сомневаться не приходится: недавно в печати появились сведения, что, например, на Ахматову в этих архивах имеется трехтомное дело), лежит в могиле на Ваганьковском кладбище молодой, тридцатилетний великий русский поэт, ушедший

(или выбитый) из жизни на взлете своего поэтического творчества, прекрасно понимавший, что происходит с родной, с Россией, оказавшейся под сапогом большевистско-террористической верхушки. Не значит ли это, что кто-то до сих пор заинтересован в сокрытии правды? Ибо если это было самоубийство, то к чему ее таить?

П РОТИВНИКИ версии об убийстве поэта упорно утверждают, что мотивов для убийства не было, что за Есениным никто не следил, что он был уже почти психически больным, одержимым манией преследования и что властям (а именно их подозревают в причастности к убийству сторонники этой версии) поэт был просто не нужен, не до него им было, были, дескать, у властей дела поважнее.

Вот, на мой взгляд, еще один лежащий на поверхности аргумент, показывающий, что Есенин не был безразличен властям. Об этом, если задуматься, сви-

«ЗНАТЬ, У ВСЕХ У НАС ТАКАЯ УЧАСТЬ...»

детельствует все то, что последовало непосредственно за его гибелью.

Есенин действительно был человеком известным. Но каково было его общественное лицо? Часто, помимо своей воли, поэт оказывался в центре скандалов, которые с удивительным постоянством и методичностью возникали вокруг него. На него заводились уголовные дела. Были и суды. Даже на момент своей гибели поэт находился под следствием, и дело было прекращено ввиду его смерти. «Пострадавшим», случайно или нет, в большинстве случаев оказывались лица еврейской национальности, поэтому заурядный скандал сразу приобретал межнациональную окраску и все, что проявлялось в таком скандале со стороны Есенина, тут же истолковывалось как проявление антисемитизма. А такие проявления в то время были отнесены к числу самых серьезных видов уголовно наказуемых преступлений. Газеты не упускали случая, чтобы не сообщить об очередном скандале, где был замешан Есенин, — на их страницах он выглядел хулиганом. Поэтому его общественное лицо, его репутация в восприятии общества были далеки от идеала.

Есенин не был влиятельной (в практическом смысле) личностью (как, допустим, Демьян Бедный) ни в литературных, ни в общественных кругах. Это доказывает, к примеру, тот факт, что именно и

15 января 1926 года в берлинской газете «Die Literarisch Welt» И. Г. Эренбург опубликовал посвященную гибели Есенина статью. Другой отклик на смерть Есенина он хотел напечатать на Родине. Об этом свидетельствует письмо (хранится в рукописном отделе Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) М. Руаффа и Е. Полонской от 30 января 1926 года. В нем говорится: «Многоуважаемая Елизавета Григорьевна, по просьбе Ильи Григорьевича пересылаю Вам прилагаемую статью «Смерть Есенина». Много лет спустя Е. Г. Полонская сдала эти материалы в архив, написав на полях рукописи И. Эренбурга: «Нигде напечатано не было».

Илья ЭРЕНБУРГ

СМЕРТЬ ЕСЕНИНА

ХОД ДНЕЙ, это универсальное налаживание, дипломатические совещания, служебные надбавки, награды, болезни, шашни, был прерван. Декабрьское утро, нудное и служилое, с его подозрительным копошением мыслей и форм показало всем обыкновеннейшую петлю. В паршивом номере гостиницы, среди прокатных вещей и прокатных душ мертвый поэт еще раз призвал к ответу многое и многих. Трудно совместить со смертью волосы Есенина, волосы слишком нежные, как бы созданные для женского любования и для мифологических образов. Нумерованная комната. В ней не было солнца, в ней не было даже склянки чернил. А вокруг — мороз, глухота и традиционный сон статистических миллионов.

Так, пока чертились великолепные схемы, пока фантасты, воля и голод скрипели страницами истории, тяжело и угрюмо горела «деревянная Русь», горела подожженная исконной стихией самоистребления, как изба пьяного бобыля и как тела двуперстных изуверов. Что скрывать? Недаром даются такие годы. Их оплачивают цифрами так называемого «населения». Их оплатили и жизнью поэта.

Он был со всеми в те памятные времена, когда еще не было ни витрин Кузнецкого, ни посольских фраков, когда красноармейцы уносили на фронт краюху кислого хлеба, простодушную веру и стихи общего баловня, белокурого мальчика, грозившего разломать земной шар, «как калач», и тихо плававшего над обиженной собакой. Потом...

Впрочем, все знают, что было потом. Чужим он вернулся в родные места. Чужим бродил среди деревенских комсомольцев и среди пристроившихся «спецов». Его обвинили в «непонимании исторического процесса», как будто тот, кто жил в воскресенье, обязан жить и в понедельник. Не подчинены общим законам жизнь государства и жизнь поэта. Те, кто шел на смерть со стихами Есенина, давно забыли и стихи, и смерть. Он не забыл.

Он называл себя «последним поэтом деревни». Крестьянство только поднимает у нас голову. Но деревня классической литературы, деревня, ютившаяся рядом с усадьбой, чья лирическая темнота и ка-

бацкое отчаяние — неотделимая часть высокой дворянской культуры прошлого века, эта деревня умерла, нагло и трогательно, среди пылающих поместий, среди вековых мятежей и дешевых чудес. Пуды хлеба обращались в детские слезы и в роковой самогон. Здесь, в этих болотах, как большая река, начинался Есенин.

Хорошо было какому-нибудь Верхарну описывать гибель деревни: он не хлебал сивухи и не плакал. Стекла пенсне прикрывали глаза цвета стали и цвета дыма. У Верхарна были и письменный стол, и мировая литература. А Есенин... Не лежало ли очарование этого неисправимого мальчика в его отдалении от профессионального мира? Он купил в Берлине перо «Ваттермана» и рассмеялся. Он был птицей. Он был также живым человеком. Кругом «имажинисты» заготавливали стихотворный товар, социологи определяли смысл происходящего, а Есенин, живой, как солнечный зайчик, умирал, умирал публично и вполыхал, на московских бульварах и в «Стоиле Пегаса», читал стихи, бродил среди сугробов окраин и детскими голубыми глазами пугал встречные портфели.

«Хорошо им стоять и смотреть»... Вы помните эти глаза? Здесь трагедия не только эпохи — породы. Возраст человечества диктовал унылую поножовщину и диаграммы отчаяния. Какой же трогательной девушкой, провинциальной и задушевной, какой звездой над электрическим заревом города вошла в наши дни поэзия Есенина! Ее любили в грубое время грубые люди, любили за обреченность и за неумелость, любили, как любят иного ребенка, над которым уже сказано «нежный» или иное короткое и неповторимое слово.

Я не знаю, что напишут грядущие словесники об этой поэзии. Меняются вкусы и оценки. Суд истории не справедливой обыкновенного суда. Одного у Есенина уже никто отнять не сможет — любви современников, любви, на которой сходи-

лись все: поэты и красноармейцы, профессора и рабфаковцы. Его любила революция, и его любила Россия.

Говорить ли о духовной бескорыстности, о высокой непосредственности «странного» человека или об этом уже сказала смерть? Да, он написал, столь часто цитировавшиеся, строчки о цилиндре и о лакированных башмаках. На проклятую статую «Свободы» нью-йоркского морга полетел еще один мотылек. Но не этими огнями можно было купить душу поэта. Он утром выбирал в модных лавках Парижа шелко-

номер в гостинице «Англетер». Он не дорожил ни домом, ни именем, ни людьми, ни собой. Конечно, государство строит иначе, иначе живут миллионы. Но не будь этого мотовства, этого шатанья по миру, кустарной, полудикарской тоски, не было бы и поэзии.

К свободе ринулись слабые руки. Тяготила ли его только зримая тюрьма — быта и навыков, окостеневших жестов, повторности дел? Или иной была несвобода? «Засосал меня песенный плен...» Нет, не поймут читатели, эти исследователи ямба или же ревнители «партии» — как даются писателю книги, сколько здесь отторжения от живой жизни, сколько безысходной условности, соленого животного горя, великодушно перерабатываемого в образы и звуки!

Тело Есенина обнесли трижды вокруг бронзового изваяния Пушкина. Окаменевший поэт немало видел на своем веку — детские игры под деревьями бульвара и лужи крови Страстной площади. Он увидел теперь своего мертвого наследника, как и он, замученного условностью жизни, равнодушием людей, звериным климатом любимого Отечества.

Как не сказать здесь — жестокая земля! Хоронить у нас умеют хорошо. Нигде так не хоронят. Небогатый культурой край — вряд ли в нем наберется несколько десятков подлинных писателей, — он бережно хранит в музеях автографы, он переиздает классиков на веленовой бумаге, он засыпает очередную могилу венками и патетическими некрологами, но живых, живых он окружает только улюлюканьем газетных овчарок и безразличием одежде, как и тулупы, сердца. Так было искони. Многие переменилось, но не это. Виселицы, расстрел, тюрьма, ссылка, нищета, издевки общества, сословные и классовые предрассудки — все это испытывали на себе русские писатели. Листок со стихами Лермонтова на смерть поэта, ходивший из рук в руки, еще не стал историей. Когда Блок весной 21-го года читал в «Доме Печати» стихи, ему свистели: умирай! И не от свистевших ли мы услышали три месяца спустя, что Блок был «нашей гордостью и нашей любовью»? Это относится равно к людям разных времен и разных идей. Это относится к России. И, может быть, ни один русский писатель, прочитав короткую газетную заметку, протянул руки к своей шее, как бы ощущая на ней неумолимую петлю?.. Но нет, не об этом думали московские писатели в ночь на Новый год, стоявшие возле тела Есенина. Перед такой потерей отступает даже негодование. Остается горе — погреб поэт. Остается радость — выпадает на человеческую долю бесценное богатство, дар самой простой и самый непонятный, как голосовые связки певчей птицы, которая поет, потому что она родилась и потому что она умрет.

Публикация Т. ФЛОР-ЕСЕНИНОЙ

6 ИЮНЯ 1924 ГОДА, В ДЕНЬ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА, ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ОРГАНИЗОВАЛ В МОСКВЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ПОЭТА. НА СНИМКЕ ИЗОБРАЖЕН ТОТ МОМЕНТ, КОГДА СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ОТ ИМЕНИ СОЮЗА ВОЗЛАГАЕТ ВЕНОК К ПОДНОЖИЮ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ.

Фото Р. КАРМЕНА из журнала «Всемирная иллюстрация» (№№ 3—4, 1924 г.).

вое белье, чтобы к вечеру выкидывать его. Он мечтал о славе. Слава легко далась ему. Она оказалась столь же жалкой и ненужной, как лакированные ботинки. Что же, он выбросил и славу. Он продолжал ей туман московских пивных и хмурый

заботы? Да ведь он «хулиган» и вообще «аморальный тип» — об этом забыли, что ли?

Тело поэта выставляется в Доме печати. А на решетке, ограждающей его, с улицы, прикрепляется огромное полотнище с беспрецедентной надписью: «Тело великого русского национального поэта Сергея Есенина покоится здесь». Еще и похоронить не успели, а уже — «великий»? К чему бы это, не слишком ли? Да еще и «русский»? И это в то время, когда само слово «русский» уже практически было изгнано из обновленного революционного «новояза»? Мало того, он еще и «национальный»? Что это? Ведь еще Маркс показал классовый характер общества. И для характеристики любого человека важна прежде всего не национальность, а классовая принадлежность, важно, к какому классу он принадлежит: к эксплуататорам или эксплуатируемым, к буржуазии или к пролетариату, к помещикам или крестьянам. Есенин — поэт крестьянский. Так при чем же тут «национальный»? И вообще получается, что он поэт «русский национальный», то есть принадлежащий к «русской нации»? Что, это понятие вытаснено, что ли, из эпохи Николая Романова?

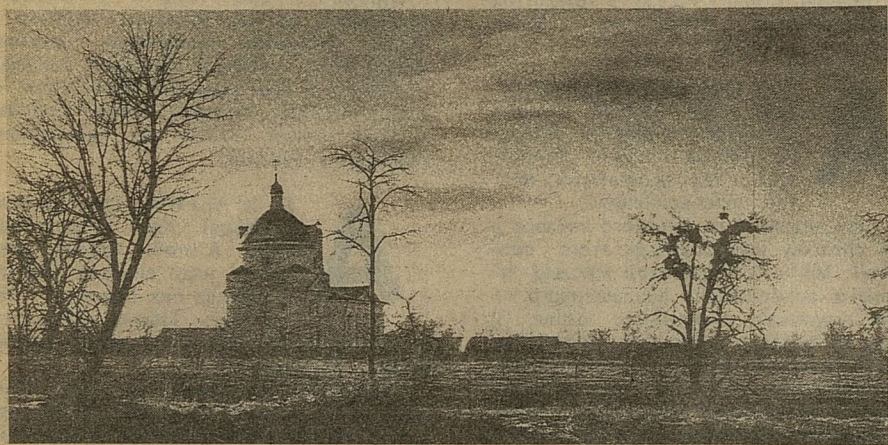
Ясно, что и сам факт прикрепления этого полотнища, и текст этой надписи были согласованы с властями. Далее — никаких помех для прощания с покойным (оцепление, пропуск). И самое удивительное — это похоронная процессия, этот трехкратный обнос гроба с телом поэта вокруг памятника Пушкину! Кто еще удивлялся такой чести, такого символического знака? Учет при этом, что подлинное значение Есенина как поэта в то время еще мало кто понимал. Ясно, что и процессия эта, и этот

обнос тоже не могли не быть согласованы с правительством. Если Есенин — самоубийца, то для чего правительству брать на себя все эти заботы, зачем подхватывать людской порыв и превращать похороны поэта в такое масштабное, из ряда вон выходящее событие, тем более, что его (правительство) об этом никто не просил, и тем более, что Есенин не был «придворным» поэтом?

Что же из этого следует? Следует, на мой взгляд, единственно возможное объяснение. Все эти «мероприятия» (которые Есенин, конечно же, был достоин) были необходимы правительству для того, чтобы «заткнуть» рот друзьям и родственникам поэта, которые знали (или догадывались), что никакого самоубийства не было. Всеми этими мероприятиями власти весьма недвусмысленно давали понять, что все сделано с их ведома и публичное выяснение истины нежелательно. Надо было глубоко и надолго внедрить в сознание народа версию о самоубийстве.

Неподдельная скорбь людей и поддельное, лживое и глумливое участие в этой скорби властей. Нет, очень «до него» им было.

И СЕЙЧАС он тоже кому-то мешает, всё хотят «подправить» его, принизить. Так, например, нас долго и упорно убеждают (и уже кого-то убедили), что мы не можем понять всей глубины «Злых заметок» Н. И. Бухарина, в которых-де он поносит

Демьяну Бедному обратились за помощью четыре друга-поэта (Есенин, Ильяков, Орешкин и Ганин), позвонив ему из отделения милиции после очередного «задержания» за «оскорбление» некоего Роткина. Влиятельный поэт, приближенный и высшим государственным кругам, с презрением им в помощи отказал (о чем, конечно, тут же было сообщено в газетах).

Да и происхождения Есенин был не пролетарского, а крестьянского — все время цеплялся за старую, «избяную», отжившую Русь. И хотя он принял Советскую власть, писал о Ленине и о Троцком, его творчество все же не было вполне «советским», слишком мало в нем было официоза, прославления новой, «рабоче-крестьянской» власти. Не был он придворным кремлевским поэтом. И власти, надо думать, имели о нем свое представление.

И вот Есенин погибает в Ленинграде. Учитывая все сказанное — какое дело до этого события правительству большевиков? Вот тут бы и спустить все «на

тормозах», и если властям не до него, если у них есть дела поважнее — то и ладно...

Однако «рабоче-крестьянское» правительство вмешивается. Почти все газеты по всей стране (!) (а они уже все стали изданиями партийными) помещают сообщение о его самоубийстве, некрологи (а ведь если бы было соответствующее указание — они бы помолчали). Тело поэта (явно по разрешению властей) перевозится в Москву. А ведь похоронить Есенина можно было бы и в Ленинграде во избежание лишнего шума (тем более, что его жизнь была связана с этим городом не менее, чем с Москвой), и если бы такое решение было принято, то никакие хлопоты друзей, родственников и его вдовы Софьи Андреевны Толстой не помогли бы. Расходы на похороны поэта государство относит на свой счет.

С чего бы это? Кто еще из умерших в те годы литераторов был удостоен такой

ПЕТРОГРАДСКИЕ АДРЕСА ЕСЕНИНА

Ленинград. Улица Красной Конницы, 8. В этом доме бывал С. Есенин.

В конце января 1916 года в Петрограде в издательстве М. В. Аверьянова (Набережная реки Фонтанки, дом 38) вышла в свет первая книга стихотворений Сергея Есенина «Радуница». Это было большим событием в жизни молодого поэта. Получив авторские экземпляры первой своей книги, Есенин подарил ее многим своим хорошим знакомым. Среди адресатов его инсриптов были школьный учитель поэта С. М. Хитров, писатели А. М. Горький, Е. И. Замятин, А. Н. Андреев, И. И. Ясинский и многие другие.

Один из сборников Есенин подарил З. Д. Бухаровой. Ее имя ныне мало кому известно. Поэтесса и литературный критик Зоя Дмитриевна Бухарова родилась в 1876 году. Дед ее был сослуживцем М. Ю. Лермонтова. В 1902 году она с двумя детьми переехала в Петербург на постоянное место жительства, где всецело посвятила себя литературно-театральной работе. В различных петербургских газетах и журналах она публиковала свои стихи и рецензии на столичные театральные постановки и новые поэтические сборники. В 1903 году в Петербурге вышла ее первая книга «Стихотворения».

25 октября 1915 года З. Бухарова слушала выступления С. Есенина, С. Городецкого, Н. Клюева, А. Ремизова на вечере литературно-художественного общества «Краса», который состоялся в Тенишевском училище (Моховая улица, дом 33—35). Ее отчет об этом вечере был опубликован в газете «Петроградские ведомости» 4 ноября 1915 года.

В ежемесячном литературном приложении № 5 к журналу «Нива» в мае 1916 года была опубликована рецензия Зои Бухаровой на сборники стихотворений К. Бальмонта, Б. Садовского, Н. Клюева и С. Есенина, вышедшие примерно в одно время. В рецензии были даны точные характеристики творческого почерка этих разных, но уже тогда известных поэтов. О книге Есенина «Радуница» она написала: «На всем его сборнике лежит прежде всего печать подкупающей юной непосредственности. Он поет свои звонкие песни легко, просто, как поет жаворонок. Усталый, пресыщенный горожанин, слушая их, приобщается к забытому аромату полей, бодрому запаху черной разрыленной земли, к неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусствами вялое сердце... У Сергея Есенина есть, несомненно, будущее. Но он должен твердо держаться принятого пути, не увлекаться опасными модными течениями, погубившими уже столько свежих дарований... Тяжелые настоящие времена, сквозь свои слезы и кровь, словно в утешение дарят нам гордость и радость таких подлинно национальных талантов, как мудрый, глубокий «сказитель» Клюев и

нежный, ласково-чарующий крестьянский лирик Сергей Есенин...».

Легко себе представить, как порадовали молодого поэта эти слова, как много они значили для его дальнейшего творческого роста.

Знакомство Бухаровой с Есениным произошло, по-видимому, в начале 1916 года в Передвижном театре П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. Зоя Бухарова сотрудничала с этим театром, часто бывала там на репетициях и спектаклях. Есенин тоже часто посещал этот театр и был уже тогда дружен с ведущим актером труппы В. В. Шимановским.

О том, что Есенин бывал у Бухаровых дома в 1915—1916 годах, написал в своих воспоминаниях В. С. Чернявский, друг Есенина, тогда студент, впоследствии актер. Он вспоминал, что Зоя Дмитриевна «крайне тепло и чутко» относилась к поэту. В семье Бухаровой Есенина звали «Сергуней».

Где же жила З. Д. Бухарова в то время? В справочной книге «Весь Петроград» на 1915 и 1916 годы есть адрес Бухаро-

вой Александры Викторовны — матери писательницы, в молодости известной певицы: «Кавалергардская улица (ныне улица Красной Конницы), дом 8». По этому же адресу значится Казина Зоя Дмитриевна.

Из книги «Русские писатели 1880—1917 гг. Биографический словарь» удалось уточнить, что Казина — это фамилия Бухаровой после замужества. А печаталась она под своей девичьей фамилией. Так стал известен еще один адрес пребывания Сергея Есенина в Петрограде в 1915—1916 годах: Дом № 8 по улице Красной Конницы, пятиэтажный, с эркером, лепными украшениями и небольшим оригинальным шатровым завершением, без всяких изменений хорошо сохранился до наших дней.

Еще один пока нигде не упомянутый адрес пребывания Есенина в Петрограде в 1915 году: Васильевский остров, 18-я линия, дом 9. Здесь жил до 1936 года известный художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Его жена Мария Федоровна пишет в своих воспоминаниях: «...Как-то раз, в воскресенье, в 1914 году нас посетил молодой человек, одетый в поддевку и большую синюю папаху... У него были выщипанные светлые волосы, которые ниспадали на плечи. Ему было 19 лет. Это был Сергей Есенин. Увидя дружелюбные лица, он попросил разрешения прочитать свои стихи... Красивая русская рубашка, весь внешний вид гармонировал с его стихами...».

В этих строках обращают на себя внимание некоторые неточности и неясности, которые, впрочем, нетрудно поправить. То, что встреча Есенина в семье Петрова-Водкина произошла в Петрограде, сомнений не вызывает. Художник жил в городе на Неве с 1913 года до конца своей жизни, с небольшими перерывами. Но в 1914 году Есенина в Петрограде не было. Да и в такой одежде, как описала Мария Федоровна, поэт появился в различных литературных салонах и модных гостиных только осенью 1915 года, после того, как он познакомился и подружился с Н. Клюевым.

Вероятнее всего, в гости к К. С. Петрову-Водкину на Васильевский остров Есенин приходил в середине октября 1915 года...

Третий, ранее не известный, петроградский адрес пребывания Есенина удалось найти мне совместно с ленинградским кол-

лекционером Д. В. Екшурским. Этот адрес связан с именем писательницы, комиссара флотилии в годы гражданской войны Ларисы Михайловны Рейснер, ровесницы Есенина, пережившей его всего лишь на два месяца.

На постоянное место жительства в Петербург Лариса Рейснер приехала вместе со своим отцом Михаилом Андреевичем сразу же после революции 1905 года. М. А. Рейснер стал здесь приват-доцентом Императорского Петербургского университета. В журнале «Рудин», который с осени 1915 года издавал в Петрограде М. А. Рейснер, Лариса Михайловна (под псевдонимом «Л. Храповицкий») опубликовала статью с отзывом о концерте литературно-художественного общества «Краса». Очевидно, она побывала на этом концерте и слушала там выступление Есенина.

В редкой ныне книжке Иннокентия Оксенова «Лариса Рейснер» (Рабочее издательство «Прибой», 1927 г.) есть такие строки: «...В 1915—1916 гг. Лариса Рейснер слушала курс историко-филологического факультета Петроградского университета. В эти годы вокруг нее сгруппировался кружок молодых поэтов-студентов, в который входили Вл. Злобин, В. Гривус, Всеволод Рождественский, Георгий Маслов (автор поэмы «Аврора»), Анна Регат и другие. Бывал в этом кружке и Сергей Есенин, приехавший в Петроград осенью 1915 года. «Душой» кружка была Лариса Рейснер... Собрания кружка проводились на квартире Рейснеров».

С Вс. Рождественским Л. Рейснер связывали не только общения в литературном кружке, но и личная дружба. В своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни Всеволод Рождественский, в частности, написал: «Однажды я затащил Есенина в кружок наших университетских поэтов. Нашлась у кого-то гитара, Есенин сел боком на стул, задорно тряхнул кудрями и уверенно тронул струны. Мягко, вполголоса, пел он песни, свои и чужие, а лицо его было задумчивым и строгим».

Когда попросили прочесть стихи, он также просто отставил гитару в сторону и начал читать, постепенно все более и более увлекаясь движением собственной речи...».

Происходило это, как подсказывает тот же «Весь Петроград», в доме 26-б по Большой Зелениной улице, вероятнее всего, в ноябре 1915 года. Здесь жила Л. Рейснер, здесь проходили собрания литературного кружка...

Ларису Рейснер и в дальнейшем интересовало творчество Сергея Есенина. 30 декабря 1925 года она участвовала в траурной церемонии прощания с поэтом. У гроба Есенина в Москве в главном зале Дома печати она стояла рядом с С. А. Толстой-Есениной и Дмитрием Фурмановым.

Лев КАРОХИН

ЛЕНИНГРАД

Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

(Кстати, стихотворение это имеет довольно символическое окончание: «Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть». Но ни умереть спокойно не дали, ни напечатать стихотворение так, как он хотел.)

Стихотворение это включалось во все современные издания произведений поэта, во все собрания сочинений. И первые его строки звучали именно так, как приведено выше. Однако в последнем, шеститомном, наиболее полном собрании сочинений (ИХЛ, 1977—1980), которое должно было бы стать самым авторитетным (ведь уже имелся опыт издания нескольких собраний сочинений), вторая строфа напечатана в таком виде:

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?

В конце строки напечатана эдакая маленькая закорючка, всего лишь вопросительный знак. Но знак этот в корне меняет смысл высказывания. И не простого высказывания, а очень существенного, можно даже сказать — концептуального, характеризующего отношение поэта к родине, к России. Утверждение превращено в вопрос.

Однако знак этот, придающий высказыванию поэта противоположный смысл и напечатанный полумиллионным тиражом, уже пошел гулять по другим изданиям (ведь шеститомник, как уже говорилось, должен считаться самым авторитетным изданием, его тексты — источником для других массовых изданий), примером чему может служить «Избранное» (М., «Худ. литература», 1985), изданное 330-

тысячным тиражом, в котором так и указано: «Тексты печатаются по изданию: С. А. Есенин. Собр. соч. в 6-ти томах. М., «Художественная литература», 1977—1980 гг.».

А ВОТ еще одна мелочь, деталь, при помощи которой стараются принизить Есенина. Для ее подачи используется так называемый «метод присоединения».

Я живу недалеко от Курского вокзала и часто прохожу вдоль фасада этого сооружения, могучей творческой мыслью талантливых архитекторов воплощенного в образе огромного стеклянного сарая. У выхода из вокзала постоянно стоят автобусы Московского экскурсионного бюро, и организаторы экскурсий через мегафон завлекают транзитных пассажиров, которым надо «перекачаться» в Москве несколько часов в ожидании своего поезда, на интересную экскурсию по столице. Окончание этого завлечения звучит всегда одинаково: «...побываете на Красной площади, на Ленинских горах, а также на Ваганьковском кладбище, на могилах великих русских поэтов Сергея Есенина и Владимира Высоцкого». Следует учесть, что эта реклама повторяется ежедневно, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, слышат эти слова сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Кто-то покачает головой и подумает: «Во дают!». Большинство же, знающих Высоцкого лучше, чем Есенина, примут это мегафонное откровение как должное.

А что, собственно, такого? Ясно, что славе талантливого актера и барда Высоцкого от такого «присоединения» — только прирост. Да еще какой! Ясно, что от Есенина при такой попытке постановки его на один уровень с Высоцким — «не убавит», как, кстати, не «убыло», вообще говоря, и от Пушкина после опубликования известных «Проголос». Потому как ходить Пушкину на «прогулки» с Аб-

рамом Терцем — никакого интереса. Уровень слишком разный.

Страшно то, что «убудет» у неподготовленного, кое-как знающего Пушкина в объеме школьной программы читателя «Проголос», «убывает» от такой рекламы у наивных и простодушных пассажиров — гостей Москвы, столицы нашей Родины, которая сливет одним из крупнейших культурных центров.

А Х, КУЛЬТУРА ты, русская культурал! Как возродиться тебе? А чтобы узнать это, может, надо сначала понять — откуда она берется? Может быть, бывает, что берет-ся она тоже из малого, из детали какой-нибудь, из мелочи?

Вернемся в Константиново. Три окна дома поэта выходят на улицу, где экскурсанты ходят, сельские жители. А еще что? Ну, церковь видна. И все? И все.

Нет, не понять ни нам, ни детям нашим, которые с младенчества видят из окна своей бетонной ячейки соседние бетонные и стеклянные сараи, — как это было. Как пробуждающееся сознание деревенского младенца, мальчика, воспринимającego и осваивающего окружающий мир, насыщалось все время — изо дня в день, годами — из своего окна, прорубленного в теплой бревенчатой стене, образом изукрашенного, прекрасного Храма Божия. И весной, и летом, и осенью, и зимой, и в дождь, и в снег, и при луне, и в сиянии солнца, когда оживает и распускается, цветет и умирает природа — стоит в окне Храм, прекрасное творение добрых рук человеческих, посвященное Богу. А подойдешь к церкви, выйдешь на высокий берег Оки — и открывается взору полный горизонт, великие просторы российских земель.

Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ

Гонорар за эту статью автор перечисляет в Фонд восстановления Храма Христа Спасителя.